

Снег над Россией

Алиса Лумина

Алиса Лунина

Снег над Россией

Серия «Новогодняя комедия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12251558

Лунина, Алиса. Нас повенчали снежинки: роман: Издательство «Э»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83685-7

Аннотация

По романам Алисы Луниной снимают популярные сериалы, выходящие на Первом канале, среди которых "Новогодний рейс" и "За пять минут до января".

В России снова идет снег, наша огромная страна встречает Новый год, и миллионы людей загадывают желания, надеясь на Чудо.

Роман "Снег над Россией" – (ранее роман выходил под названием "Нас повенчали снежинки") – трогательная история о том, как двое – мужчина и женщина – встречаются в канун Нового года, влюбляются, и – расстаются. Вечный сюжет – разьединенные расстоянием половинки одного целого, влюбленные, которых разлучили...

Данила не знает о незнакомке ничего, кроме ее имени – Алиса, но отныне он будет идти навстречу своей любви, пытаясь отыскать возлюбленную среди долгого снега.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	47
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алиса Лунина

Снег над Россией

Посвящается моей дочери Алисе

© Лунина А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Часть 1

Глава 1

Снега не было долго, казалось – целую вечность. На смену тоскливому серому ноябрю пришел не менее унылый бесснежный декабрь. Москва устала от хляби и противного дождика. Бывает дождь – оглушительный, мощный, чистый, после которого на душе становится так чисто и светло, будто ее промыли, а бывает промозглый, монотонно стучащий по нервам – именно такой изматывал терпение горожан с самой осени. В этой осенней распутице предстоящие новогодние праздники казались чем-то невероятным – какой Новый год без снега, если даже принаряженные елки на улицах выглядят нелепо, словно этих расфуфыренных красавиц воткнули прямо в болото.

Впрочем, по правде сказать, Марии Морозовой было не до новогодних праздников, и отсутствие снега она не заметила, поскольку ноябрь с декабрем провела в своем офисе: выпускала новую коллекцию одежды и как главный редактор готовила к выпуску декабрьский номер модного журнала. За два месяца интенсивной работы она прервалась лишь на несколько дней, чтобы слетать по делам в Париж и Милан (где всегда со снегом не очень!); но, когда за день до Нового

года вдруг пошел настоящий, душевный, щедрыми хлопьями снег (будто некий добрый волшебник наконец-то услышал просьбы всех горожан и смилостивился), Маша его сразу заметила. В тот вечер, выйдя из офиса и увидев фантастический снегопад, она решила в кои-то веки прогуляться по городу.

Очищенный и украшенный снегом, город чудесно преобразился: праздничная подсветка, красиво оформленные витрины, новогодние елки создавали особенное настроение, все магазины и кафе зазывали к себе, и казалось, что где-то там тебя встретит счастье.

Прогуливаясь по центру, в одном из старых московских переулков, Маша наткнулась на магазинчик, в котором продавали елочные ретроигрушки. Увидев эти смешные, трогательные украшения, столь дорогие сердцу каждого человека «родом из СССР», Маша растрогалась. Они, должно быть, много лет хранились в чьей-то семье, передавались по наследству, радовали кого-то. И в ее семье были такие – она ими очень дорожила, но несколько лет назад при переезде коробку с елочными игрушками ее муж Олег «забыл» на старой квартире. Узнав об этом, Маша заплакала, как о дорогой потере, чем несказанно удивила мужа: «Пустяки, Маруся, купим новые!» И как объяснить этому бесчувственному человеку, что новые игрушки никогда не заменят те – «с историей»?! Маша вообще любила старинные, винтажные вещи, в которых, как муха в янтаре, застыло время. В Европе она

могла часами бродить по блошиным рынкам в поисках интересных вещичек и часто бывала вознаграждена, обнаружив чудесное ретроплатье, необычную шляпку, ручные кружева, уникальные украшения. Она собрала уже целую винтажную коллекцию и со временем мечтала открыть музей моды.

Не удержавшись, Маша купила все старинные игрушки и от этого почувствовала радость, какой не знала уже давно. К ним, конечно, нужна была елка и желательно живая, с запахом леса, хвои, смолы, но приносить прекрасное дерево в жертву ради нескольких дней ей было жаль, и поэтому Маша пошла на компромисс – у площади она подобрала несколько еловых веток, лежащих на снегу. По дороге домой она зашла в магазин и купила мандарины и шампанское. Ее диета, увы, исключала тяжелые майонезные салаты и прочую вкусную праздничную, но очень вредную еду, но почему бы не отвести душу на мандаринах и не разрешить себе бокал шампанского.

В эту большую квартиру в одном из старых переулков в центре Москвы они с Олегом переехали несколько лет назад. Маша сама продумывала ее дизайн – от цвета стен и орнамента плитки до зеркал в ванной комнате. Дурная привычка – за все всегда браться самой. Олег однажды сказал ей, что у нее потрясающее самомнение – она встречается во все дела, полагая, что никто не справится с ними лучше ее самой. В самом деле, все важные вопросы в редакции журна-

ла и в собственном модельном доме она предпочитала решать лично, не доверяя своим помощникам. Кстати, она и хозяйство вела самостоятельно и до сих пор, несмотря на загруженность и бешеный темп жизни, обходилась без домработницы. Сама мысль о том, что в ее квартире будет хлопотать какая-то другая женщина, казалась Маше, странной, это была ее личная территория, куда она старалась не допускать чужих людей. Главной дизайнерской идеей, которой руководствовалась Маша, затеявая здесь ремонт, было желание создать для них с мужем островок комфорта и покоя в мире хаоса, кроме того, ей хотелось привнести в пространство этой современной московской квартиры дух петербургской квартиры своей семьи.

В старом доме, в центре тогда еще Ленинграда, где прошло детство Маши, царила неповторимая атмосфера: на стенах висели картины ее прадеда, известного художника, в гостиной стоял огромный стол, покрытый белоснежной скатертью (за ним по вечерам собиралась вся семья), в буфете за стеклом мерцал фамильный сервиз тончайшего фарфора, а главное, всюду были книги, которые не вмещала даже огромная библиотека с уходящими под потолок шкафами (дотянуться до верхних полок можно было только с помощью специальной лестницы).

В московской квартире Маши нашлось место и библиотеке, и картинам прадеда, и старинному фортепиано в гостиной. Правда, играл на нем, и то под настроение, только млад-

ший брат Маши – Данила, в те редкие дни, когда приходил в гости. Как и в родительском, в ее доме всегда царил порядок – нигде не лежало ни пылинки, натертый до блеска паркет сверкал, всякая вещь была на своем месте и неслучайна (здесь вообще не было случайных вещей, и поэтому каждая, как считала Маша, имела душу и свое звучание). Единственное, что нарушало порядок в ее квартире – это разбросанные тут и там эскизы новой коллекции одежды, над которой она работала весь декабрь. Впрочем, в предновогодний вечер можно было позволить себе не думать о работе (как минимум до следующего года!), а посему Маша собрала эскизы, отнесла их в кабинет и начала украшать гостиную к предстоящим праздникам.

Еловый букет получился большим и разлапистым: на нижней ветке грызла орешек белка и мерцали сосульки, на верхней куда-то летел космонавт в золотистом скафандре. «Все на своих местах! – улыбнулась Маша. – Вот и славно!» Эта незатейливая еловая композиция вызывала ностальгические чувства и ощущение праздника, в отличие, например, от елки, установленной в Машином офисе и украшенной на европейский манер бантами и шарами серебряного цвета – стильно, по-своему красиво, но радости почему-то не вызывала. Маша закончила праздничный обряд украшения гостиной, водрузив на стол, покрытый белой хрустящей скатертью, блюдо с мандаринами.

В ожидании мужа она достала свежий журнал, в котором

было опубликовано ее интервью. Нехитрые вопросы («Мария, в чем секрет вашего семейного счастья?»), банальные ответы («Супружество – это труд и терпение! И, знаете ли, готовность уступать друг другу»), фотосессия (их общее фото с Олегом, ее фотографии в рабочем кабинете и на подиуме в окружении моделей). Кстати, фотографии получились очень даже ничего – она на них выглядела стильной и хрупкой (благодаря диете и каторге в фитнес-клубе, черное платье, в котором она снималась и которое придумала и сшила сама, сидело на ней как влитое), и молодой (на самом деле ей тридцать восемь). В общем, ее журнальный образ отвечал законам жанра, и она выглядела, как и подобает известному дизайнеру и редактору модного издания. Пролистав журнал, Маша отложила его в сторону и решила переодеться. И хотя дома она в основном ходила в брюках и удобных пуловерах, сейчас ей захотелось надеть платье. Все-таки елка. Все-таки Новый год. Маша надела то самое черное маленькое платье, в котором снималась для интервью (таких черных платьев у нее в шкафу собралось великое множество – она со счета сбилась; удобно – подбираешь к платью удачные туфли и сумку, и вперед, к покорению жизненных вершин готова!), забрала длинные русые волосы в гладкий пучок, подкрасила губы. Из зеркала на нее смотрела «девушка средних лет» (последнее определение, вообще говоря, является спасительной формулировкой, потому что так можно сказать и о тридцатилетней девушке, и о той, кому слегка за

сорок или сильно под пятьдесят. Сама Маша, смеясь, говорила об этом так: «Я прошла долгий путь от джинсов и бисерных фенечек до маленького черного платья, и мне комфортно в этом возрасте элегантности».

В прихожей хлопнула дверь. Маша вышла встречать мужа и уже с порога догадалась, что Олег чем-то расстроен. Она сообщила ему, что украсила квартиру к Новому году, но муж только рассеянно кивнул в ответ. Его красивое породистое лицо омрачила тень озабоченности. Он прошел в гостиную, опустил на диван. Маша не стала задавать ему вопросов, захочет – расскажет сам. Она привыкла к тому, что Олег часто возвращался со службы в «разобранном состоянии», что поделаешь – у человека нервная работа, как-никак известный политик: заседания, интервью, дебаты, оппоненты.

От предложенного ужина Олег отказался, сославшись на усталость.

– Давай лучше поговорим?!

Она обрадовалась:

– Давай. Мы давно не говорили! – присела рядом с ним. – Знаешь, Олег, я только сегодня поняла, как вымоталась за этот год: работа, журнал, съемки, некогда оглянуться, подумать... Представляешь, я даже про Новый год чуть не забыла!

Олег молчал.

Маша удивленно посмотрела на мужа:

– Что-то случилось?

– Я ухожу, Маруся, – сказал Олег.

– Откуда? Ты имеешь в виду – из политики?

Но по его лицу она тут же поняла, что ее вопрос в принципе поставлен неправильно, не «откуда», а «куда» он уходит – вот в чем соль.

– Дело в том, что я встретил другую женщину, – добавил Олег, – и ухожу к ней.

Маша застыла, пытаясь осмыслить его слова. Ее муж встретил другую женщину и уходит к ней! Повторить еще хоть десять раз – один черт, в голове не укладывается. Время шло, супруги молчали. Тишина стояла такая, что было слышно, как идут часы. Машу в особенности удивило то, как Олег сообщил об измене – спокойно, буднично, словно б рассказал о том, что он, к примеру, сегодня ел на обед. Хотя чего, собственно, она хотела? Что он будет заламывать руки и посыпать голову пеплом? Даже хорошо, что обошлись без излишнего мелодраматизма. Она вдруг подумала, что они с Олегом шли к этому финалу все восемнадцать лет их супружеской жизни и что в их отношения с самого начала была заложена бомба, которая тикала себе годами, месяцами и вот наконец рванула.

– Могу я хотя бы узнать, кто эта женщина? – спросила Маша и тут же осеклась – зачем спрашиваю, зачем унижаю себя такими вопросами?

– Я не делаю из этого тайны, – Олег пожал плечами, – к

тому же ты все равно узнаешь. Это Светлана.

– Какая Светлана? – оstonбенела Маша. – Ты хочешь сказать, что...

Олег кивнул. А вот этого она не ожидала. Светлана – ее любимая модель, фактически «открытая» ею.

...Маша увидела фотографии Светланы год назад в редакции своего журнала. И хотя ей часто приносили портфолио девочки, мечтавшие о карьере в модельном бизнесе, именно фотографии Светланы, сделанные в плохонькой студии, привлекли ее внимание. У этой девочки были огромные, наивные, распахнутые навстречу миру глаза, широкие соболиные брови и очаровательно надутые губы. Маша пригласила девушку к себе в студию, взяла ее под свою опеку, а позже сделала лицом новой коллекции. В итоге карьера Светланы стремительно пошла вверх, но как недавно выяснилось – в противоположную от Маши сторону. Месяц назад Светлана сообщила, что подписала зарубежный контракт. Маша спросила, сможет ли она принять участие в показе летней коллекции, Светлана замялась: «Не знаю... Я скоро выхожу замуж!» «Вот это да! На свадьбу позовешь?» Светлана смутилась и неопределенно пожала плечами.

Теперь смущение модели было легко объяснить. «Стало быть, девочка выходит замуж за Олега! Молодцы, что скажешь. Главное, когда успели? Ну что ж, по крайней мере у Олега хороший вкус!» – усмехнулась Маша. Да, пожалуй, именно это она ему и скажет. Прямо сейчас.

– Спасибо, – кивнул Олег. – Рад, что ты одобряешь мой выбор.

– О! Я одобряю твой выбор, еще как! – Маша нервно расхохоталась. – У моего мужа, прости, бывшего мужа, все должно быть самое лучшее: машины, часы, костюмы, женщина. Пусть уж лучше меня заменит признанная красавица. Кстати, а почему ты сообщил мне об этом именно сейчас? В новогодний вечер? Специально ждал этого праздника, чтобы получилось так символично – в новом году новая жизнь? Неужели здесь тебе твой хороший вкус изменил?

– Да нет, – смутился Олег, – вовсе нет. Просто Свете предложили контракт во Франции на три года, она хотела подписать, я был против, ну и она сказала, что откажется, если я...

– Если ты разведешься со мной и возьмешь ее в законные жены? Правильно? И желательно именно сегодня? Свете хотелось штампа в паспорте, уверенности в новом счастье и вашего общего новогоднего праздника? Я права?

Он молчал. Потому что она действительно была права. И она это знала.

А может, Олег и впрямь чувствовал если не вину, то хотя бы неловкость – в самом деле, нельзя же так поступать пусть с разлюбленной, но все же когда-то близкой женщиной?! Взять и испортить ей настроение в новогодний вечер! Маша вздохнула, – можно было бы, конечно, поиграть у него на нервах, испортить ему и Свете Новый год к чертям собачьим, закатить сцену, но... зачем? Не в ее характере своло-

чизм, а главное, она понимала, что развод – лучший для них с Олегом вариант. Сколько раз она сама пыталась решиться на этот шаг, сколько лет! И всякий раз ее что-то останавливало: страх, сомнения, чувство вины, паутина их с Олегом совместного быта, общие знакомые, воспоминания, общие, по сути, успехи и достижения – как это делить? И все оставалось как есть. На смену одному январю приходил другой, и все шло своим чередом.

Она задумалась и даже утратила связь с реальностью, к которой ее вскоре вернул голос Олега:

– Маруся, я бы хотел попросить тебя не делать из нашего развода информационного повода.

Она ответила ему удивленным взглядом.

– Я имел в виду прессу, – замялся Олег, – ты же понимаешь... Учитывая мой род деятельности... Тем более у меня сейчас предвыборная кампания.

– Я никогда не делала из своей личной жизни информационный повод. – Маша пожала плечами. – Так что ты можешь быть спокоен за свою кампанию.

Она не могла удержаться от иронии – в последнее время ей стало казаться, что Олег слишком заигрался в эти политические игры, зачастую ей становилось смешно. Неужели он действительно всерьез полагал, что в его руках – судьба мира, или, по крайней мере, этой страны? Судя по его телевизионным интервью (костюм от Бриони, галстук и серьезнейшее выражение лица прилагалось), выходило, что Олег действи-

тельно верит в свою сверхважную политическую миссию. За последние годы он вообще стал весьма уверенным в себе человеком, настолько, что ей теперь не верилось, что когда-то она ему помогала: зарабатывала деньги на его избирательную кампанию, была его пресс-секретарем, печатала рекламные листовки, а главное, упорно твердила ему, что у него все получится.

И у него действительно получилось! Олег полностью состоялся в выбранной им системе координат, достиг вершины; есть, конечно, и выше, но ведь его жизненный путь не закончен, ему только сорок, он, так сказать, пребывает на пике жизненных сил и, несомненно, продолжит свое восхождение на политический олимп. Продолжит, но уже без нее. При этом она не считала себя вправе предъявлять ему упреки и обвинения. Напротив, она признала, что в сегодняшнем горьком финале их супружеской жизни была определенная внутренняя логика, потому что отношения, в которых нет любви, обречены. И это правильно, дорогая Маша!

– Маруся, если не возражаешь, я заберу кое-какие вещи, – мягко сказал Олег, – а на днях заеду за остальными.

Маша кивнула – пожалуйста, как она может возражать?!

– На эту квартиру я, разумеется, не претендую, – торопливо добавил Олег. – Может быть, загородный дом...

– Да, – согласилась Маша, – пусть будет так.

Она закусила губу в горькой усмешке: как там она давеча ответила этой юной журналистке на вопрос о семейном

счастье? А, да... Супружество – это терпение, труд и способность уступать партнеру. Именно!

...Она все понимала, и все-таки ей было больно слышать звуки из соседней комнаты, где выдвигались и задвигались ящики. К счастью, Олег, собрался быстро.

Она вышла в коридор проводить мужа и задохнулась – неужели сейчас он уйдет навсегда?! Олег держал саквояж и переминался с ноги на ногу, наверное, искал подходящие слова для прощания. И не находил. У него с этим всегда были проблемы – речи ему писали спичрайтеры. Наконец, он выдавил:

– С наступающим, Маруся!

– И тебя! С новым счастьем!

– Ну, я пошел? – спросил Олег.

– Иди, – великодушно разрешила Маша, отпуская мужа в новую жизнь.

...Она растерянно смотрела на закрывшуюся входную дверь в супружество и в прошлое.

Маша долго стояла в коридоре, прислонившись к стене, потом подумала, что надо что-то делать, заставить себя двигаться, вернуться в гостиную, подумать, как жить дальше.

Она бессильно опустилась на диван, оглядела гостиную. Как там она говорила – ее островок покоя в мире хаоса? Ну-ну! Вот она и осталась на своем островке в полном одиночестве. Остров оказался необитаем. Живи теперь, как можешь.

...Услышав телефонный звонок, она вздрогнула (говорить сейчас ни с кем не хотелось), но как бы плохо ей теперь не было, увидев высветившуюся на экране телефона фотографию своего любимого младшего брата, расплывшегося в улыбке, она и сама невольно улыбнулась и ответила на вызов.

Понимая, что, узнав о ее разрыве с мужем, Данила тут же примчится ее утешать, она не стала ему ничего говорить и постаралась «включить» нарочито спокойный, бодрый голос. К счастью, брат ничего не заподозрил – Маше вообще показалось, что Даня позвонил ей с какой-то определенной целью, потому что разговор он начал вкрадчиво – ласково, забросал ее комплиментами и расспросами о новой коллекции, хотя прежде особого интереса к этому не проявлял.

– С каких это пор тебя стала интересовать женская мода? – усмехнулась Маша, почуяв в лести брата определенный подвох.

– С тех пор как побывал на твоём показе! – честно признался Данила.

Не далее как вчера он действительно присутствовал на показе новой коллекции в модельном доме сестры и снимал по ее просьбе рекламный ролик.

– Я горжусь тобой! – заверил Данила.

Тут уж Маша укрепилась в своих худших подозрениях:

– А ну говори, что тебе от меня надо?!

Данила рассмеялся:

– Сушую малость! Понимаешь, сестренка, вчера среди

твоих моделей я увидел девушку своей мечты!

– И что?! – взъерилась Маша. Каким, однако, успехом пользуются ее модели!

– Мне нужен ее телефонный номер! – невозмутимо сказал Данила.

Маша фыркнула: «Ну, начинается!» Тем не менее любопытство взяло верх, и она поинтересовалась, о ком говорит ее влюбчивый братец.

– Эта девушка открывала показ. Кажется, ее зовут Вика...

– Ах, вот оно что! Да, ее зовут Вика!

– Значит, мне нужен телефон Вики, – ничуть не смутился Данила.

– Ты ничего от меня не добьешься! Я знаю, какой ты ветреный! Сколько продлится твое новое увлечение – три дня?! На моей памяти только за последний год уже были Лариса, Юля и кто-то там еще!

– Поверь, на этот раз все серьезно! Ну должно же когда-то меня шарахнуть по-серьезному?!

– Вот именно! – не выдержала Маша. – Братишка, ты высоченный, широкоплечий мужик, тебе, между прочим, не восемнадцать, а скоро тридцать! В этом возрасте пора бы уже стать серьезным и научиться относиться к женщинам со всей ответственностью!

– Дай мне телефон Вики, и я отнесусь к ней со всей ответственностью! – хмыкнул Данила.

– Даня, когда ты повзрослеешь? Пора пересмотреть взгля-

ды на жизнь! К тому же мне жалко бедную девочку! Разобьешь ей сердце! Хотя... – Маша усмехнулась. – На бедную она не похожа. Если честно, даже не похоже, что у нее есть сердце. Эти девочки – совершенные холодные богини. Ладно, так и быть, я дам тебе ее телефон, но учти, она из Петербурга, и насколько я знаю, вчера после показа уехала домой.

– Нет проблем, я готов смотреться в Питер! – заверил Данила. – Кстати, заеду, поздравлю родителей с Новым годом!

– Чертов бабник! – сморщилась Маша. – Ладно, записывай! И не вздумай говорить ей, что это я дала тебе ее номер. Не хватало мне еще прослыть сутенершей!

Она не могла на него долго сердиться, на Данилу вообще было невозможно обижаться – свои недостатки он искупал обаянием. Порой Маша, на правах старшей сестры, читала непутевому младшему брату нотации, но была готова простить ему все за его доброту, жизнерадостность и талант.

Заполучив заветный телефонный номер, Данила спросил, как поживает Олег. Маша заставила себя спокойно ответить, что у ее мужа все в порядке.

– Передавай ему привет. На Новый год я, может быть, к вам заскочу, – сказал Данила.

– А где ты сейчас? – спросила Маша.

– В бане!

– Где?!

– Говорю же тебе – в бане! – расхохотался Данила. – Я на

даче Жени Никитина.

Попрощавшись с Данилой, Маша вздохнула: да, у ее брата и бывшего мужа насыщенная жизнь – любовь, новое счастье... Впору порадоваться за людей! А у нее вот как-то со счастьем не задалось. На душе такая тоска, что хоть волком вой или реви белугой... Еще этот Новый год некстати... Лучше бы его вовсе не было.

Она подошла к окну. На улице шел снег. Казалось, его кто-то сыпал с неба щедрой рукой; как ни странно – снег успокаивал. Маша надолго застыла у окна. Такая вот снеготерапия.

На самом деле попасть в баню Даниле не составляло никакого труда. Отличная финская сауна примыкала прямо к дому его друга Жени Никитина. В этот предновогодний вечер друзья детства собрались на даче Жениных родителей в Подмосковье, чтобы проводить старый год в располагающей атмосфере. Атмосфера действительно располагала – на участке Никитиных росли березы и сосны, в гостиной можно было уютно разместиться у камина, а погреб этого красивого, большого дома был наполнен настоящими сокровищами: полки заполняли банки с отменными солеными огурцами, помидорами, груздями и опятами фирменного засола Жениной мамы. От добра, добра не ищут, друзья всегда отмечали праздники на даче Никитиных и почти каждую пятницу устраивали здесь «мужской клуб», обычная программа которого подразумевала баню, водку под соленья и мужские

разговоры.

Вот и сегодня все шло по давно отработанному сценарию – парились, пили, обсуждали события прошлого года. Правда, выпивали в этот вечер только Данила с Женей, поскольку их приятель, Саня Белов, от водки отказался. «Вы чо, мужики? У меня утром прямой эфир, нужно быть в форме. В конце концов, надо поздравить сограждан с Новым годом по-человечески!» Балагур Саня был популярным ведущим на известной радиостанции. Десять лет назад Данила с Саней уехали из Петербурга в Москву, поступили в один институт, правда, на разные факультеты (Саня подался на актерский, а Данила решил стать оператором); после окончания ВГИКа оба остались в столице, и все эти годы поддерживали друг друга. У них все было общим, поэтому совершенно естественно, что, когда Саня познакомился с Женей Никитиным, он первым делом представил нового московского приятеля Даниле. С тех пор они дружили втроем. Это была настоящая, проверенная испытаниями, мужская дружба. «Один за всех, и все за одного!» – как у королевских мушкетеров. Высоченный, широкоплечий, этакий настоящий «русский богатырь», серьезный Женя Никитин, флегматик и интеллектual. Невысокий, худой, темноглазый остряк и мастер розыгрышей Саня Белов. И обаятельный, жизнерадостный, прожигатель жизни и шалопай Данила Морозов. Разность характеров и темпераментов ничуть не мешала этой дружбе.

В первые неустроенные годы в Москве Даниле с Саней по-

могали Женя и его родители. Приятели часто оставались ночевать у Никитиных. Женина матушка по-матерински опекала их, пришивала «своим мальчишкам» пуговицы, кормила. За эти годы семья Никитиных для Данилы и Сани стала родной – вот и этот дом в Подмосковье они считали, можно сказать, отчим.

Друзья, завернувшись в простыни, как римляне, отдыхали после парной.

– Выпьем за мужскую дружбу! – серьезно и даже торжественно провозгласил Женя Никитин.

Данила поддержал тост друга, но Саня яростно замахал руками, отказываясь пить. Женя с Данилой посмотрели на приятеля укоризненно – разве можно отказываться пить за мужскую дружбу?!

Саня нервно погладил свою невообразимо стильную бородку:

– Поймите, мужики, работа – прежде всего! Ну, сами представьте – кто будет держать диджея, который лыка не вяжет и у которого заплетается язык?!

– Работа у тебя специфическая – это да! – хмыкнул Данила. – Ты у нас хохмач всероссийского масштаба!

Саня хохотнул:

– Да уж! Анекдот в тему! Чуваку дают совет, как развеять хандру: «Окунись с головой в работу!», а тот разводит руками: «Не могу. С моей работой это невозможно, ведь я замешиваю бетон!»

Саня и впрямь был признанным мастером разговорного жанра – беспрестанно хохмил и без устали выдавал каламбуры и шутки. Возможно, именно благодаря этой способности ему и удалось стать популярным радиоведущим.

– Я теперь твою программу слушаю в машине, – признался Женя, – и скажу, Сан Саныч, что тебя все время заносит! Шутки у тебя соленые, как... эти огурцы!

Женя с чувством закусил огурцом выпитую за дружбу водку.

Саня расплылся в улыбке:

– Дык это законы жанра! Наша сверхзадача – так пошутить, чтобы, как говорится, и для цирка не было тонко! Все для народа – в том числе юмор.

– Зато у тебя бешеная популярность, поклонницы, то-сё! – заметил Данила.

Саня скромно кивнул, что есть – то есть!

– Ну, хоть за любовь ты не откажешься выпить? – коварный Данила достал новую бутылку.

Но Саня вновь стоически отказался.

– Вот из-за таких, как ты, Белов, нам и не везет в любви! – усмехнулся Данила.

На самом деле в любви им действительно не особенно везло. Саня в этом году расстался со своей девушкой, Женя пока не встретил даму сердца, поскольку был слишком серьезен в сердечных вопросах, а Данила Морозов... «Ох уж, этот Данила!» – вздохнула бы его сестра Маша. Данила был из-

вестным сердцеедом и легко влюблялся. Сам он, впрочем, не считал это свойство своей натуры отрицательным. Лукаво улыбаясь, он говорил, что виноват только в том, что любит все красивое, а на свете, слава творцу, много красивых девушек.

Вот и в этот вечер он испытывал знакомое и волнительное чувство влюбленности, причиной которого стала прекрасная незнакомка. Вчера на показе мод, куда его для съемок пригласила сестра, он увидел барышню неземной красоты. И небо обрушилось! «Это не женщина, это мечта!» – выдохнул Данила, едва не выронив камеру. Красавица, богиня, ненадолго спустилась с небес, чтобы гордо продефилировать по подиуму в вечернем платье, взглянуть на зрителей (о, этот взгляд ангела и демона!) и ускользнуть... Навсегда?! «Ну, нет! – разволновался Данила. – Упустить такую девушку? Ни за что!» С девушками у него все было понятно и просто – если девушка тебе нравится, нужно понравиться ей. В конце концов, это так естественно и (как многократно Данилой доказано) совсем не сложно. Но в случае со вчерашней прелестницей одна сложность, как ни крути, была – он не знал ни имени девушки, ни того, как ее найти. Как же быть? Данила задумался. Внимание его рассеялось, и он даже пропустил два парных тоста («За уходящий старый год!» и «наступающий новый!»), провозглашенные Женей.

Поразмыслив, Данила пришел к выводу, что помочь ему может только Маша. Любимая старшая сестра. Очень стро-

гая старшая сестра. И она, конечно, не откажет ему, разве что поворчит немного для вида...

«Надо действовать!» – решил Данила. Сказав друзьям, что ненадолго отлучится, он вышел в предбанник – звонить Маше.

Получив от сестры телефонный номер красавицы Вики, столь поразившей его воображение, Данила (мечты сбываются!) тут же по нему позвонил.

Вика долго не могла понять, кто он такой и что ему нужно. Данила, постаравшись включить все свое обаяние, рассказал, что увидел ее вчера на показе, и с тех пор ее образ стоит у него перед глазами. «Как гений чистой красоты!» (Не слишком пошло? – усмехнулся Данила, придерживая рукой сползающую простыню.)

Но Вику его откровенное признание не впечатлило – подумаешь, ей сто раз на дню объясняются в любви джентльмены разных возрастов и доходов.

– Где взял мой телефон? – строго спросила Вика.

Данила постарался уйти от ответа, поскольку обещал сестре не говорить, что это она дала ему номер Вики. Так, мол, знакомые помогли. Как, вы не знаете, да у нас с вами столько общих знакомых, которые могут рекомендовать меня с самой лучшей стороны?! Кстати, позвольте представиться – Данила Морозов!

– Морозов? – задумалась Вика. – Какой Морозов? Ой, ты брат модельера Марии Морозовой?

Данила сдержанно и с достоинством подтвердил, мысленно поблагодарив свою талантливую сестру.

Вика оживилась:

– Так это ты такой высокий, темненький, симпатичный? Снимал нас на камеру?

Данила скромно подтвердил. Он симпатичный. И камера у него есть. Он даже может захватить ее, если надо, на их свидание.

– Свидание? – озадачилась Вика. – Так я же в Питере.

Данила заверил ее, что для влюбленного сердца семьсот километров не преграда. Тем более что на свете есть самолеты и поезда.

– Давай я приеду к тебе в Петербург?!

– Вообще-то мне некогда, – замялась Вика, – завтра я улетаю в Париж.

– В Париж на Новый год? Это непросительная ошибка! – закричал Данила. – Предлагаю встретить Новый год вместе!

– Не могу, у меня съемки в Париже в начале января. Контракт, знаешь ли!

– Пожалуйста, дай мне шанс, – взмолился Данила, – мы встретимся, и после этого ты никуда не поедешь!

Она рассмеялась:

– Какой ты упертый... Ладно, мы можем увидеться днем, до отъезда у меня будет немного времени.

– Где встретимся? – обрадовался Данила.

– Записывай название ресторана... Но предупреждаю – я

смогу уделить тебе только час!

Простившись с Викой, Данила вернулся к ожидавшим его друзьям и с ходу объявил:

– Мужики, я еду в Питер!

– Когда? – удивился Женя.

– Сейчас! – выдохнул Данила. – Вопрос жизни и смерти!

– Даня, ты перегрелся там, на морозе, что ли? – хмыкнул Саня. – Сказал, что выйдешь на пять минут покурить, а сам чего учудил?! Не иначе опять шерше ля фам?

Морозов мечтательно улыбнулся:

– Если бы вы ее видели!

– Надо полагать, новое увлечение Дани проживает в Петербурге, и наш друг торопится на встречу со своим счастьем?! – подмигнул Саня.

Данила кивнул, подтверждая правоту сей гипотезы.

– Я только не понимаю, тебе в Москве, что ли, девушек мало? – пожал плечами Саня, – на фиг тащиться в Питер?

– Вот именно! Ты не понимаешь! – возмутился Данила. – Это необыкновенная девушка! Она – гений!

– В смысле, такая умная? – усмехнулся Саня.

– В смысле, гений чистой красоты! – крикнул Морозов. – Так, все! Лечу в Петербург первым же самолетом!

– Ну, куда ты поедешь на ночь глядя, – недовольно пробурчал Женя, – и до Москвы ведь не доберешься. Тебе сейчас нельзя за руль! И кстати, мне тоже...

Данила горестно вздохнул – в самом деле, не может же он

вести машину пьяным! И тут его осенило!

– Белов! – завопил Данила так, что Саня вздрогнул. – Ты ведь берег себя для прямого эфира? Ты у нас трезвый, как стеклышко?!

– Нет, – замотал головой Саня, – Морозов, даже не проси, никуда сейчас не поеду. Да ты спятил, старик, там холод собачий, и метель намечается!

Но влюбленного Данилу было не остановить.

– Отставить метель, едем в аэропорт! – он выразительно посмотрел на Саню. – Друг ты мне, или так?!

...Саня считал себя другом, а посему повез Морозова в город. Женя увязался с ними. В дороге пассажиры распивали коньяк и пели душевные песни. Уже когда подъезжали к Москве, Женя сказал:

– Слушай, Даня, а может, тебя погрузить в поезд? Извини, но для аэропорта ты как-то плохо выглядишь. Водка с коньяком, пардон, никого не красят! Тебя просто не посадят в самолет. А в поезде ты проспишься и утром предстанешь перед этим своим гением красоты бодрым и свежим!

– А нам все равно! – кивнул хорошо расслабленный алко-голем Данила. – Пусть будет поезд!

– Ладно, – сказал Саня, – едем на Ленинградский вокзал. На перроне друзья договорились, что Новый год отметят первого января. На Жениной даче.

– Смотри, не женись там, в Питере! – напутствовал друга Женя, когда Данила вручил свой билет проводнику.

– Жениться? – хмыкнул Данила, заходя в вагон. – Я что – похож на идиота?! Ну, неет – я никогда не женюсь!

Глава 2

Не все относились к браку столь нетерпимо, как Данила. К примеру, в этот же вечер девушка Алиса обсуждала по телефону со своим будущим мужем Алексом детали их предстоящей свадьбы, намеченной на конец января. Пока будущие молодожены сошлись только в том, что торжество состоится на родине Алекса в Лондоне, остальные вопросы Алиса предложила решить после ее возвращения из России. «Тем более что впереди еще столько времени!» – примиряюще добавила она, уловив в голосе жениха смутную обиду. После этой фразы обида в голосе Алекса уже была явной. Он сухо заметил, что времени до свадьбы, как раз осталось мало, и ему непонятна подобная беспечность. Алиса вздохнула – она знала, что он сердится из-за ее отъезда.

Несколько дней назад она сообщила ему, что на Новый год поедет в Россию. Алекс растерялся – вместо того чтобы заняться подготовкой к свадьбе, провести праздники с ним и его родителями в Лондоне, избалованной Алисе вдруг втемяшилась в голову эта поездка! Буквально ни с того ни с сего! Алиса слабо парировала: «Неправда. Я давно хотела поехать в Россию, как ты знаешь, я не была там пять лет. И в конце концов, мне надо увидеться с бабушкой!» Но Алекс даже наличие петербургской бабушки не считал серьезным аргументом и обиделся. Алиса успокаивала его, обещала, что

уедет всего на несколько дней – встретится в Москве с отцом, отпразднует Новый год с бабушкой в Петербурге и уже в начале следующей недели вернется в Лондон.

– И потом, Алекс, в Британии не придают такое значение Новому году, как в России! Это у русских Новый год любимый праздник!

В конце концов, Алексу не оставалось ничего другого, как согласиться – эти русские такие упрямые! Провожая невесту в аэропорт, он, впрочем, не преминул выказать свое недовольство и заявил, что после их свадьбы ей придется согласовывать все решения с ним.

Алекс и в сегодняшнем разговоре, спросив, как Алиса долетела и как ей понравилась Москва, не удержался от иронии:

– Это действительно стоило того, чтобы оставить меня на Новый год одного?!

Алиса сжала телефон в руках: вот что ответить? Сказать «да» – обидится, сказать «нет»... Лучше уклониться от разговора.

– Извини, мне пора собираться на вокзал.

– Это еще зачем? – растерялся Алекс.

– Я еду к бабушке в Петербург. Поезд через час.

Она пообещала, что позвонит ему уже утром из северной столицы. «Привет бабушке!» – выдал Алекс на прощание.

Алиса сникла, чувствуя вину. На самом деле, если бы он спросил ее, почему она все-таки уехала в Россию, она бы не

знала, что ему ответить.

Это, конечно, было настоящее приключение: Россия, снег, Новый год. Последний раз Алиса Снегирева приезжала на Родину пять лет назад, и этого хватило, чтобы сейчас почувствовать, будто она вернулась в другую страну.

Она была подростком, когда отец отправил ее в Лондон за хорошим образованием и дисциплиной (да, за дисциплиной особенно – отец считал, что дочь разболтана). Выбрав для нее колледж, он просто сообщил ей об этом, не спрашивая, насколько обучение за границей согласуется с ее жизненными планами, поскольку таковых, по его мнению, ей пока иметь не полагалось. Сергей Петрович Снегирев также не стал советоваться с Александрой Павловной – своей тещей, на пару с которой воспитывал дочь после смерти жены (мать Алисы умерла, когда девочке было десять); и даже встретив со стороны тещи яростный отпор (Александра Павловна закатила ему настоящий скандал и в очередной раз потребовала отдать девочку ей), продолжал твердо стоять на своем: «Я люблю дочь и выбрал для нее лучший колледж!» Алиса не стала возражать – она знала, что отец отправляет ее в Англию не потому, что хочет от нее избавиться (она всегда была уверена в его любви, и даже женитьба отца и появление в доме его второй жены не осложнили их отношений); а потому что действительно считает, что так будет лучше для нее. И в конце концов, колледж действительно был хорошим.

Закончив его, Алиса поступила в Лондонский универси-

тет, славный своей историей и традициями (выбор учебного заведения и будущей специальности был одобрен отцом – он хотел, чтобы дочь изучала корпоративное право). В наступающем году она заканчивала обучение, после чего собиралась работать в Лондоне, в компании, принадлежащей бизнес-партнеру Сергея Петровича. За эти годы Алиса привыкла к Лондону, а после встречи с Алексом решила связать свою жизнь с этим городом.

Отец и бабушка часто приезжали к ней, и поэтому она не особенно скучала по России. Обычно родные навещали ее несколько раз в году, а бабушка приезжала на каждый Новый год. Алиса и на этот раз ждала ее в гости (ей хотелось познакомиться Александру Павловну с Алексом), но в конце декабря бабушка позвонила и сказала, что приехать не сможет.

– Извини, Элис, паршиво себя чувствую, на этот Новый год я не приеду.

– Ладно, – сказала Алиса, – тогда приеду я.

...По сравнению с Лондоном в Москве было морозно и снежно. В первый день Алиса долго бродила по улицам, иногда отогреваясь в кафе. Ей было интересно все – как изменилась столица, как город украшен к праздникам, чем живут люди. Это забавно, но ей показалось, что здесь все живут в предвкушении Нового года. Вся Москва. Потому что в России Новый год – это не просто любимый праздник, это ни больше ни меньше – надежда на новую лучшую жизнь!

Отец обрадовался встрече, да и мачеха встретила ее при-

ветливо. Юля совсем не была похожа на злую и коварную мачеху из сказки «Спящая красавица»; хорошая, очень красивая девочка, всего на шесть лет старше Алисы. Сергей Петрович женился на юной Юле, решив ее «вырастить» для себя или «под себя». Он вообще был властным, авторитарным человеком – успешный бизнесмен, руководитель большой компании. Мягкая Юля стала для него идеальной женой. Алиса относилась к мачехе с симпатией, но каких-то особо близких отношений у них не сложилось – слишком разные люди. А вот своего пятилетнего младшего брата Васю Алиса любила, хотя и сочла в этот приезд, что мальчишку изрядно избаловали.

В доме отца ей было хорошо, и все же Алиса несколько устала от того, что ее все время кормили (как будто в Лондоне люди голодают!) и все время кому-то показывали (ей приходилось постоянно улыбаться многочисленным родственникам и знакомым отца и его жены). Два дня в Москве промелькнули быстро – отец возил Алису по городу, в ее честь устроили торжественный ужин, а на третий она засобиралась в Петербург.

– Ты не останешься на Новый год? – расстроился отец.

Алиса смутилась:

– Не обижайся, я хочу встретить Новый год с бабушкой. Она там одна...

Алиса знала, что отношения отца и бабушки сложно назвать безоблачными.

Они не ладили и при жизни матери Алисы, а после ее смерти практически перестали общаться, лишь изредка перезванивались, когда нужно было обсудить что-то насчет девочки. Александра Павловна Смолина была известной театральной актрисой. Отец Алисы считал тещу невероятно эксцентричной и любил пошутить насчет того, что Господь послал ему испытание – иметь в тещах народную артистку – не иначе как за большие грехи. Когда Алиса осиротела, Александра Павловна много раз просила зятя разрешить ей воспитывать девочку: «Если надо, Сережа, я брошу театр и перееду к вам в Москву!» Но Сергей Петрович отвечал ей неизменным отказом: более всего он боялся влияния Палны (как он называл тещу) на Алису. «Еще не хватало, чтобы ты сделалась актриской или какой-нибудь... богемой!» – презрительно говорил он дочери.

Впрочем, сегодня он не возразил:

– Поступай как знаешь! И кстати, передавай Палне привет.

– Непременно, – улыбнулась Алиса.

Узнав, что дочь решила ехать в Петербург поездом, Сергей Петрович удивился:

– Почему поездом? Самолетом быстрее, удобнее?!

Алиса рассмеялась:

– Зато поездом интереснее! Буду пить чай и смотреть ночью в окно: Россия, заснеженные города, маленькие станции!

Отец не стал спорить и вечером тридцатого декабря посадил ее в поезд до Петербурга.

Зайдя в свое купе СВ, Алиса обнаружила, что соседнее место не занято. «Отлично, поеду одна!»

Колеса стучали, и как в детстве, в их стуке, ей слышалось: «Вперед, вперед!» Алиса долго смотрела в окно: бескрайние лесные пейзажи, мелькающие огни станций, опять леса, и всюду – много, много снега. Наконец стук колес усыпил ее, она погасила свет и задремала.

Пробуждение было неприятным и резким. Проснувшись от звука открывающейся двери, Алиса увидела, что в купе кто-то вошел. Этот странный «кто-то» прикрыл дверь, так что снова стало темно, а потом склонился над ней.

«Грабитель!» – испугалась она и изо всех сил ударила преступника.

Решив, что дальнюю дорогу до Петербурга можно сократить в вагоне-ресторане, Данила сразу туда и отправился.

За окном пролетали километры, градусы суммировались. Заприметив за соседним столиком симпатичную девушку, Данила тут же заказал для нее бутылку шампанского. Незнакомка ответила неодобрительным взглядом. Данила поспешил объяснить, что не хотел ее обидеть, шампанское – лишь невинный знак внимания. После этого девушка благосклонно отнеслась к его предложению выпить за знакомство. А

потом они выпили за жизнь. И за хороших людей. И за любовь. Чтобы выпить за другие прекрасные вещи, существующие на свете, Данила заказал еще бутылку шампанского. «Хотя, честно признаюсь, – он подмигнул милой попутчице, – я шампанское вообще-то терпеть не могу! Особенно после водки. А мы у Женьки в бане пили водку, а градус понижать нельзя, моя милая! Никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя понижать градус!» Но не предлагать же прекрасной девушке водку?! И поэтому ему пришлось «соскочить» на шампанское. А потом он так перебрал нелюбимого шампанского, что у него в голове вдруг произошел эффект новогодней ночи – когда по всей стране в каждом дворе палят разнообразную пиротехнику. Так вот в его голове взрывались салюты и фейерверки, будто уже наступил Новый год; а потом что-то сделалось с координацией движений – они раско-ор-динировали... – а черт! – растерялся Данила, поняв, что не вполне собой владеет. Дальше – больше. Он наклонился, чтобы галантно поцеловать руку девушке, с которой они пили шампанское, но покачнулся и упал лицом в ее колени. Девушка взвизгнула. «Пардон, – сказал Данила, – поезд качает! – и крикнул какому-то неведомому машинисту: «А можно потише?! Почему такая качка, мы все же не на корабле!» Тогда девушка, кажется, ее звали Оля, а может быть, Таня (точно Данила не помнил), сказала, что ей пора в свой вагон и провожать ее не надо! Галантный Данила долго кричал ей вслед, отчего же не надо – он может и проводить!

Но девушка (он так и не узнает ее имени!) все-таки ушла, и незадачливому кавалеру не оставалось ничего другого, как отправиться на поиски своего купе.

Стремительно угасающего сознания Даниле еще хватило на то, чтобы найти нужный вагон, а вот с поиском места, согласно купленному билету, возникли сложности. Он вроде бы нашел свой номер и распахнул дверь в купе, однако оттуда тут же раздался недовольный женский крик: «Какого черта?!» Смущенный Данила закрыл дверь и побрел по вагону дальше. Он изо всех сил старался сосредоточиться и долго вглядывался в цифры на дверях. Увы, цифры расплывались, что самое печальное – двери тоже. Данила был очень, очень недоволен собой.

Наконец он увидел свое купе и, пошатываясь, вошел внутрь. В купе оказалось темно. Данила был хорошо воспитанным человеком. А что отличает хорошо воспитанного человека от просто воспитанного? Хорошо воспитанный человек даже в состоянии изрядного опьянения не позволит себе ничего такого, за что ему потом было бы стыдно. Данила решил не беспокоить спящего попутчика и не включать свет. Вот сейчас он тихо завалится на свою полочку и проснется уже в Петербурге. Оставалось только разобраться с тем, на какую полочку ему сейчас аккуратненько завалиться...

«Аааа!» – Данила взревел от боли. В этом параде фейерверков в его голове пришел черед для самого яркого и ошеломительного, шархнувшего прямо в лицо? Или в ухо?! Ка-

кая боль! «Может, поезд сошел с рельс?» – охнул Данила. Но поезд тут был ни при чем – он ехал себе и ехал, по назначению, дело было в...

– С ума сошла?! – закричал Данила, увидев прямо перед собой девушку в пижаме.

Включив свет, она схватила вилку из столового дорожního набора, лежащего на столике, и направила свое оружие на Данилу. Данила попятился и уперся спиной в дверь, – как-то чокнутая!

– Убирайся! – заявила девушка, воинственно сжимая вилку. – Не то я позову на помощь проводника!

Данила и сам был не прочь позвать кого-нибудь на помощь, и проводник для этого как раз бы сгодился. Вот пусть придет и объяснит, что тут в вагоне происходит! Данила, конечно, и раньше догадывался, что на железной дороге творится бардак, но чтобы до такой степени! Он чувствовал обиду и на министерство путей сообщения, и на РЖД, и на эту вот идиотку в полосатой пижаме!

– Пошел вон! – повторила чокнутая с вилкой.

– Я бы, может, и пошел вон, – вдруг разозлился Данила, – только мне идти некуда, потому что, согласно билету, это – мое место.

– Ну да? – незнакомка в пижаме вытаращила глаза.

– Можешь посмотреть! – Данила помахал билетом.

Девушка в пижаме «в полоску» отложила вилку и схватила билет. Даже пробежав его глазами, она все еще не спешила

верить Даниле и недоверчиво у него поинтересовалась:

– А почему ты сел в поезд не в Москве?

– В Москве, в Москве, – хмыкнул Данила. – Только я сразу пошел в ресторан, мы там с Таней или Олей, – он сбился, – ну не важно...

Но и этого ей было недостаточно.

– А почему ты прокрался в купе, как вор?

– Не хотел никого будить! – Данила пожал плечами и подумал, что этой гражданке «в полосочку» следователем бы работать.

– А почему ты завис надо мной, как какой-то бандит? – она продолжала игру в следователя.

– Да я в темноте ничего не видел, – тяжело вздохнул Данила, – не мог разобрать, где мое место.

Девушка помолчала и наконец сразила его контрвопросом:

– А почему ты пьяный?

Тут уже Данила решительно обиделся – мало того, что бьет в лицо, как заправский боксер (с виду мелкая, а сила удара – ого!), так еще пьяным обзывает, а он не пьяный вообще! Ну, может, чуть выпимши...

– Так Новый год ведь! – растерянно заметил Данила.

Как ни странно, это объяснение ее удовлетворило. Она улыбнулась:

– А, ну да! Конечно. Новый год. Русские его отмечают всю зиму, да?

Данила пожал плечами, дескать, ну а как иначе?!

— Тогда извините меня, — совсем не зло сказала девушка в пижаме. — Я ведь уже спала, и вдруг кто-то проник в купе! Я и подумала, что вор или...

— Маньяк! — с иронией подсказал Данила.

— Может, и маньяк, — пожала плечами девушка, — откуда мне знать. Вот и ударила тебя... Сработал инстинкт самосохранения — это нормально.

— Нормально, ага! — Данила коснулся рукой подбитого глаза.

— Болит, да? — огорчилась девушка и протянула ему ложку из того же дорожного набора. — Давай я приложу холодное.

— Не надо, — отрезал Данила.

Он сел на свое место и уставился в окно. Разговаривать с экзальтированной девицей особого желания не было. Он разговаривал сам с собой, и надо признаться, ничего хорошего себе не говорил. «Сам виноват, идиот, — вспылil Данила, — не фиг было мешать водку с шампанским. Менять градус на понижение — дурная примета, неужто не знаешь, Даня?! К тяжелому похмелью и таким вот дурным приключениям!»

— Обиделся? — девушка улыбнулась.

Похоже, она чувствовала себя виноватой.

Данила не сразу ответил, но, посмотрев на нее внимательно (она показалась ему смущенной), поспешил заверить ее, что все в порядке. Она даже, если хочет, может поставить

ему второй фонарь под глазом. Для пущей гармонии.

Она смутилась еще больше:

– Ну, прости меня!

Он махнул рукой, дескать, ладно, чего там, проехали, и снова уставился в окно.

В купе запахло мандаринами.

– Хочешь мандарины? – предложила попутчица. – А еще у меня есть пироги.

– С чем? – спросил Данила.

Она раскрыла увесистый сверток:

– Не знаю, их испекла моя тетя.

Данила улыбнулся:

– Принести чай к пирогам с неизвестным содержимым?

– Давай! – кивнула незнакомка. – А пока ты ходишь за чаем, я переоденусь. Я думала, что до Петербурга поеду одна, вот и переоделась в пижаму...

– Ничего, тебе идет. В полосочку – веселенькая такая!

...Пили чай. Поезд подбрасывало, подрагивали чашки, за окном мелькали огни, дома и проносились мимо...

– А правда в поезде почему-то самый вкусный чай? – сказал Данила.

Алиса с улыбкой согласилась:

– Правда. Предлагаю по второй чашке!

Данила заметил, что и пироги у Алисы не подкачали. Тетя не халтурила – не отделалась одним видом, пироги были с разными начинками, при этом удивительно вкусные, одним

словом – правильные пироги для дальней дороги.

От крепкого чая и пирогов фейерверки в голове у Данилы стали стихать, затуманенное алкоголем сознание прояснялось. Он бросил на попутчицу внимательный взгляд. У девушки с «правильными пирогами» была занятная внешность – под утвержденные беспощадным гламуром стандарты красоты не попадает, но при этом весьма симпатичная: тоненькая, невысокая, с короткой стрижкой, большими серыми глазами с каким-то необычным разрезом (как у белки! – подумал Данила); практически без макияжа, только длинные темные ресницы тронуты тушью, и глаза слегка подведены черным карандашом. Пока он ходил за чаем, она переделалась и вместо забавной пижамы облачилась в джинсы и свитер. Вела она себя так же просто, как была одета – ни тени жеманства, естественная, смешливая, иногда смущалась, что делало ее обаятельной. Ему стало любопытно, кто она и откуда? Дальняя дорога, чай и пироги располагали к беседе.

Услышав его вопрос, незнакомка застыла и задумалась, словно бы не знала, что ответить. Данила озадачился.

После минутного раздумья девушка с глазами, как у белки, сказала:

– Алиса. – И протянула ему маленькую, крепкую ладонь.

Правила приличия предполагали, что в ответ она спросит, как зовут его, но она почему-то промолчала.

– Еще пирогов? – предложила Алиса.

Тогда Данила чуть обиженно заметил, что он – Данила.

Она кивнула – ну, дескать, ладно – на здоровье!

– Ты откуда? – поинтересовался Данила, чуть не добавив «такая»?

И тогда она выдала:

– Слушай, Данила, а давай не будем рассказывать о себе правду?!

– Не понял?! – озадачился Данила, списав собственную непонятливость на недавние фейерверки в голове. Но оказалось, что у этой девицы салюты в башке еще ярче.

Маша так долго стояла у окна, глядя на снег, что ей стало казаться, что прошла целая снежная вечность и они с Олегом простились, по меньшей мере, год назад; а между тем это был тот же вечер тридцатого декабря, вечер на самом краешке года...

Вот ведь интересно – обычно люди планируют начать новую жизнь в новом году, например, первого января – это красивая дата, идеально подходящая для новых начинаний и символического прощания с прошлым. А вот у нее, выходит, новая жизнь начинается в последние часы уходящего года (нелепость какая-то!), и все потому, что так захотела некая Света, а Олег пошел на поводу у своей девицы. Впрочем, она сама когда-то, много лет назад, совершила непростительную ошибку, и, если кое-что вспомнить в этой стихийно свалившейся холодной снегом за воротник новой жизни, станет ясно, что Света тут вообще ни при чем... И если уж начинать с

чистого листа, то, может, с воспоминаний, чтобы что-то такое понять о себе важное, разглядеть за этим снегом... Господи, как долго он идет в ее жизни!

На улице по-прежнему мело, снежное чудо продолжалось. Наверное, так и будет мести до самого Нового года... «Завтра Новый год, – вздохнула Маша, – и как это право, нехстати!»

В последние годы она не связывала с новогодними праздниками особенных надежд и не верила в новогодние чудеса, но в этот снежный вечер у нее что-то дрогнуло внутри, то ли снегом навеяло, то ли... «И кажется, что-то произойдет, вот там, в глубине двора, вдруг увидишь родной силуэт, а может, тишину неожиданно разрежет телефонный, или дверной звонок, и...» – она вздрогнула – звон дверного звонка показался слишком резким и продолжительным.

Глава 3

Открыв входную дверь, Маша остолбенела. На пороге стояла ее подруга юности Инна Куприянова.

– С наступающим! – тихо сказала Инна. – Можно войти?

Разговор не клеился. В сущности, как считала Маша, им вообще не о чем разговаривать, прошлое быльем поросло.

– До сих пор на меня обижаешься? – съежилась Инна.

Маша задумалась – что сказать? Вопрос Инны был из разряда «перестала ли ты пить коньяк по утрам?». Не знаешь, как ответить правильно, привычных «да» или «нет» не хватает, тут еще подразумевается множество нюансов и смыслов.

– Значит, обижаешься! – печально, но неверно заключила Инна.

Бывшие подруги прошли в гостиную, устроились на диване и... надолго замолчали. Инна сидела с лицом каменного идола (если каменное изваяние причесать, раскрасить и надеть на него обтягивающее платье – получилась бы вылитая Куприянова!). «Да и я не лучше, – подумала Маша, – тоже застыла как истукан. Однако какая нелепая ситуация!»

Нелепость ситуации дошла и до Инны. Виновато вздохнув, сказала, что, пожалуй, пойдет, и потопала в прихожую.

«Вот сейчас она уйдет, и мы больше никогда не увидимся! – кольнуло Машу. – А ведь ей непросто было решиться

прийти ко мне после стольких-то лет...»

– У меня есть шампанское, – вдруг крикнула она в спину бывшей подруге. – выпьем?

– Давай! – расцвела Инна.

Откупорили шампанское, обменялись дежурными фразами, вяло обсудили общих знакомых, но беседа по-прежнему не клеилась. Тогда Маша, вспомнив, что у Олега в баре с незапамятных времен застоялась бутылка водки, подмигнула Инне: «Может, водки?» Определенно, эту ситуацию могла спасти только сорокаградусная. И действительно, под водку разговор начал разворачиваться в правильную сторону.

– Все-таки водка – это душевно! – изрекла Инна, слегка расслабившись.

Маша усмехнулась:

– Тренд сезона – душевность! Сейчас это модно, все хотят быть душевными, правда, не у всех получается.

От водки что-то размягчалось, теплело в душе, и теперь, когда Инна во второй раз спросила про ту давнюю ссору (когда их дружбу, словно ножом разрезали – пополам!), Маша искренне (как на духу!) призналась, что нет у нее на Инну никакой обиды: «Я давно уже это отпустила. Все сложилось, как сложилось!»

Инна расчувствовалась, пустила слезу:

– Сколько же, мать, мы не виделись? Четыре года?! С ума сойти!

– Да, – вздохнула Маша, – годы мелькали, как огни на этой елке. Представляешь, я и очнуться не успела, – пожалуйста, распишитесь в получении – тридцать восемь!

– Что уж тогда мне говорить в мои сорок? – проворчала Инна. – Я бы, например, мечтала скинуть эту пару лет и оказаться в твоём возрасте. Мечтала бы об этом так же, как о том, чтобы сбросить унижающие мое женское достоинство лишние десять килограммов веса!

Тут барышни посмотрели друг на друга так внимательно, как могут смотреть только бывшие подруги, встретившиеся спустя долгое время. Инна чуть обиженно заметила, что Маша по-прежнему выглядит, как изящная фарфоровая статуэтка.

– И как тебе это удастся, Морозова?! Это же нечестно по отношению к другим женщинам!

В отличие от стройной Маши, Инна «поплыла». Она и в юности была крупной, а с годами уверенно прибавила в весе. Впрочем, Куприянову это не портило, тем более что с ее высоченным ростом полнота справедливо считается статью, а стать украшает русскую женщину.

Одета Инна была в своей манере – что-то нарядное, бьющее в глаза. В первые годы их дружбы Маша ненавязчиво пыталась привить Инне вкус, но потом осознала тщетность этих усилий. «Ну а что?! – однажды виновато вздохнула подруга. – Мань, ты представляешь меня в маленьком платье Шанель, твою мать?!» Маша покачала головой – нет, не пред-

ставляю, и признала за Инной право быть собой.

Маша спросила, чем занимается подруга, и, узнав, что у нее свой ресторан, ничуть не удивилась – все правильно, у Инны настоящий кулинарный талант.

– Какая ты молодец, Инна! Собственный ресторан – это здорово! И, наверное, очень удобно – не надо готовить дома, можно поесть на рабочем месте?!

Инна расхохоталась:

– Есть и минусы! В виде жирного плюса – плюсуем уже упомянутые десять лишних кило! Как говорится: все, все, что нажрано непосильным трудом! Но если серьезно, ты же помнишь, что я всегда была помешана на кулинарии?!

Маша улыбнулась:

– Я все помню, Инна...

Они познакомились двадцать лет назад в общежитии института очень легкой промышленности, в котором Маша училась на модельера, а Инна на технолога пищевого производства.

Москва. 1990 годы

Соседка по комнате, высокая, крепко сбитая (кровь с молоком!) рыжеволосая девушка окинула Машу оценивающим взглядом и поинтересовалась, указывая на зачехленную швейную машинку:

– Чо это у тебя там? Баян?

Маша смутилась:

– Почему баян? Швейная машинка. Привезла с собой из дома.

Рыжеволосая кивнула:

– Понимаю. Я вон тоже, гляди, с чем притащилась! – и, подмигнув, пригласила Машу заглянуть под кровать, где обнаружился целый арсенал кухонной утвари: казан, кастрюли.

Маша аж рот разинула:

– Ничего себе!

– А чего? – хмыкнула девушка. – Люблю готовить. Не магазинное же есть! А готовить нужно в правильной посуде. Например, хороший плов можно приготовить только в специальном казане! – Она вытащила увесистый казан, в котором запросто можно было сварганить плов для всей общаги.

– А я шить люблю! – призналась Маша.

– Тоже хорошо, – улыбнулась рыжеволосая соседка, – кстати, меня Инна зовут. Я из Омска. Слушай, а давай так – я тебя сегодня вечером кормлю пловом, а ты мне треники подошьешь?

– Давай! – согласилась Маша.

С того вечера началась их дружба. Суровый быт общежития, скудная стипендия не раз испытывали подруг на прочность. Иногда за неделю до стипендии у них заканчивались деньги. В такие дни в кошельке была сосчитана последняя мелочь (Маше, конечно, давали деньги родители, но она талантливо умудрялась их сразу спустить – в основном на тка-

ни, покупала метры «красивостей» и отшивала им с Инкой наряды), выручал барышень только Инкин кулинарный гений. Куприянова могла сварить суп даже «из топора». Так и жили: Инна подкармливала Машу, Маша ее обшивала.

Маша полюбила яркую, большую, громкую Инну, в которой всего было с избытком: веселья, душевности, наивности. За пару лет, что подруги прожили в одной комнате, они по-настоящему сроднились. Жили бедно, но весело. Москва бурлила, барышни учились, бегали по выставкам и театрам. Все – впечатления, радости, горести – было на двоих. А потом у Маши появился Олег, и для нее началась другая жизнь...

Надо же – все так живо предстало перед глазами: бесшабашная юность, институт, общага. Какие они с Инкой были смешные, наивные! Строили планы, мечтали – Маша о своем модельном доме, Инна о собственном ресторане, и обе хотели быть счастливыми, любимыми, спешили жить...

– Да я-то что! Вот ты у нас звезда, Маня! – сказала Инна. – Кстати, я видела твою последнюю коллекцию, и признаюсь – не удержалась, купила одно платье. Оно какое-то... волшебное. Ну, правда, что надо подчеркивает, а мои пироги и прочую сладкую сволочь, отложившуюся в самых неподходящих местах, гуманно стирает ластиком. Как это у тебя получается?

Маша улыбнулась:

– Знаешь, перед тем как сделать эскиз модели, я всегда представляю женщину, для которой придумываю платье. Я думаю, что у этой женщины, возможно, был тяжелый день, у нее паршивое настроение, и мне хочется устроить ей маленький праздник в виде чудесного преобразования. Я хочу, чтобы, надев мое платье, она отправилась в нем на свидание (не пошла, а полетела!), будучи уверенной в своей неотразимости, ведь если у женщины есть такая уверенность – она горы свернет!

Семейное предание гласит, что однажды Маша, будучи в совсем несознательном «слюнявом» возрасте, полеживая в коляске, вдруг заприметив в маминых руках яркую ткань, необычайно взволновалась и протянула к ней руки: дай-дай! Присутствовавшая при этом Машина бабушка неодобрительно покачала головой: «Девка будет тряпичницей!» И как в воду глядела – внучка стала самой что ни на есть тряпичницей, куклы ее интересовали исключительно с точки зрения их нарядов, а в альбомах она рисовала преимущественно эскизы одежды. Еще учась в младших классах, Маша начала шить на бабушкиной машинке. Сначала она шила себе платья, перешивая мамины наряды, а потом добралась до сокровищ, хранящихся в бабушкиных сундуках (вот где можно было развернуться!): тафта, бархат, парча и шелк, шелк! Любовь модельера Марии Морозовой к аристократическим натуральным тканям уходит корнями в ее детство.

Выбор будущей профессии для Маши не был случайным; уже в институте она подумывала о собственном швейном производстве, хотя и не знала, с какой стороны подступиться к реализации мечты – не было ни денег (пресловутого стартового капитала), ни опыта. Кстати, Маша и в юности не обольщалась идеей внезапного успеха, свалившегося на голову в одночасье (сегодня ты придумал что-то, а завтра проснулся знаменитым!), догадываясь, что ей придется пойти другим путем – муторным, длинным, что называется – по прямой, честно вкалывая и двигаясь вперед маленькими шажками.

Ее молодость пришлась на лихие девяностые, страну сотрясали перемены, во всех смыслах, – это было удивительное время. Подруга Инна как-то сказала, что деньги сейчас валяются под ногами – надо только уметь их собирать, и предложила зарабатывать вместе. «А что нужно делать?» – поинтересовалась Маша. «Увидишь!» – расхохоталась Инна. В воскресный день они вдвоем поехали на рынок, где Инна продемонстрировала свою бизнес-идею «круговорота вещей в природе»: на одном конце рынка она купила лаковые итальянские туфли за сто рублей («Инка, ты с ума сошла! – ахнула Маша. – Такая дороговизна!») и через час продала их на другом конце рынка за сто восемьдесят рублей. «Вот такая арифметика!» – Инна снисходительно хлопнула Машу по плечу. После этого подруги три месяца ходили по выходным «работать» на рынок. Времена, когда барышни сидели на картошке и хлебе, остались в прошлом, тем не менее Ма-

шу категорически не устраивало такое «добывание денег из воздуха», сомнительное «купил – продал», ей хотелось делать что-то самой.

Вскоре, отказавшись от походов на рынок («Инка, я не хочу быть спекулянтom!»), Маша стала «варить» джинсы (оборотистая Инна их куда-то пристраивала), потом шить модные тогда мини-юбки (они уходили на ура), но, конечно, мечтала о другом – собственном доме, коллекциях и радости творчества.

Ее путь был долгим. При этом – все сама, без чьей бы то ни было помощи. Она и на поддержку мужа никогда не рассчитывала, самостоятельно зарабатывая деньги на свой будущий бизнес. Олег считал ее «тряпочки» блажью, делом пустяковым, но безопасным (уж лучше пусть жена проводит вечера в обнимку со швейной машинкой, чем будет шляться неизвестно где и с кем), препятствий для ее «индивидуальной трудовой деятельности» он не чинил, но и не помогал: «Извини, Маруся, мы не можем вкладывать деньги в рискованные проекты». Ладно, не может, и не надо – сама справится.

На заработанные деньги Маша арендовала помещение (сначала это была комната в десять метров), наняла нескольких сотрудников, наладила связи с торговыми центрами. Ее первым успешным проектом стала коллекция футболок с забавными принтами. Все, что зарабатывала, она вкладывала в расширение производства – арендовала цех, увеличила штат сотрудников. Через несколько лет у нее уже было небольшое

ателье, специализирующееся на пошиве авторской одежды под брендом «ММ» (Мария Морозова).

– Это только начало, – Маша делилась планами с мужем, – вот увидишь, когда-нибудь у меня будет свой модельный дом!

Олег пожимал плечами:

– Ну, не знаю, Маруся, сейчас ведь можно покупать готовые вещи! Такие шмотки хлынули рекой, к тому же многие теперь имеют возможность покупать за границей. Кому нужен твой самтрест?! Прогоришь!

Маша спокойно возражала:

– Во-первых, ни одна купленная вещь никогда не будет сидеть на тебе так, как если ее по твоим меркам сошьет профессиональный портной. А во-вторых, подожди, время пройдет, многие пресытятся вещами массового производства и захотят чего-то дизайнерского, штучного.

Маша считала, что мода – это высокое искусство, позволяющее создавать и раскрывать индивидуальность.

Первую коллекцию, благодаря которой о ней стали говорить как о перспективном модельере, Маша создала в ретростиле. Ей вдруг захотелось одеть женщин, как кинодив, и чтобы у каждой за плечами угадывался королевский шлейф, нести который с готовностью вызвались бы сотни мужчин. Потом была коллекция «правильных платьев», вроде ничего особенного, но такой безупречный крой (каждая деталь продумана и архитектурно просчитана, как деталь самолета),

что пять килограммов (всегда мешающих даже самой изящной женщине) уходят в минус, а вместо них – пять сантиметров над землей волшебного парения, вызванного горделивым осознанием своей красоты. Позже возник модельный дом «ММ», модный журнал, открылся первый магазин, затем второй...

Сама Маша считала, что профессия обязывает ее к постоянному профессиональному росту и движению вперед – даже достигнув успеха, она не успокаивалась и не почивала на лаврах. С одинаковым интересом Маша ездила в Париж и Милан на показы и выставки, на стажировку в Японию (был период, когда она увлеклась творчеством японских модельеров) и, скажем, в Павловский Посад, знаменитый своими шалями. Маша серьезно изучала историю моды и историю русского костюма – она намеревалась использовать элементы народного костюма в своих коллекциях, потому что не хотела быть безликим дизайнером, ориентированным только на европейскую моду. Она проводила много времени за изучением старых фотографий и архивных пленок с показами коллекций знаменитых домов моды. Она интересовалась театральными костюмами и, по просьбе знакомых из театрального мира, сделала костюмы к трем спектаклям. Ей хотелось развиваться, и поэтому она ответила согласием на предложение стать редактором модного журнала («да, это любопытно!»), она согласилась и когда ей предложили выступить дизайнером коллекции фарфора («я никогда этого не делала,

но тем интереснее!»). Однажды отвечая на вопрос журналиста о «слагаемых ее успеха», Маша искренне ответила, что никаких особенных секретов у нее нет, «просто нужно очень любить то, чем занимаешься».

Конечно, у нее случались и откровенные неудачи, а порой приходилось начинать все с нуля. Зачастую собственный путь в бизнесе напоминал ей детскую настольную игру – бросаешь фишку и перемещаешься на энное количество пунктов вперед, и вот уже кажется, что ты у самой цели, победа в кармане, а потом вдруг тебе выпадает такая фишка, согласно которой ты должен вернуться обратно – в самое начало пути, и до победы опять как до луны. В один отнюдь не прекрасный день с Машей так и случилось – ухнул дефолт, и все ее достижения и результаты (равно как и накопления) обнулились. У нее опустились руки. Казалось, на то, чтобы начать все сначала, не хватит ни сил, ни банально – денег, и все-таки она тогда выстояла, не сдалась. Постепенно все стало налаживаться, выравниваться, и она снова шаг за шагом (как говорят мудрые китайцы: «дорога в тысячу ли начинается с первого шага») пошла вперед. «Молодец, Морозова, – хвалила ее Инна, – у тебя какая-то неукротимая воля и бульдожья хватка!»

– Вот я и говорю, что ты молодец – добились всего, чего хотела! – сказала Инна. – Если честно, я всегда знала, что у тебя все получится!

Маша усмехнулась – да, добилась. Получилось. Гениальные слова Раневской: «Все у вас получится, стоит только захотеть...» Да, она стала известным дизайнером, у нее собственный бизнес, но при этом она (тсс, скажем шепотом, чтобы никто не слышал!) «переросла» эту мечту, выросла из нее, как из коротких штанишек. Долгие годы ее жизненным девизом была установка, что достижения человека должны превышать его возможности, и вот вроде можно поставить себе «зачет»: того добилась, тем стала, связи, возможности, деньги (той девочке из института «очень легонькой» промышленности, стучащей по ночам в общежитии на швейной машинке, это казалось недостижимой мечтой), но, черт побери, откуда у нее сейчас это горькое – ножом по сердцу, чувство, что главное в жизни прошло мимо?! И как про него рассказать подруге юности?

Маша улыбнулась:

– Знаешь, на днях я сказала Даниле, что первый раз под Новый год ничего не загадываю и не строю никаких планов!

– Почему? – удивилась Инна.

– Потому что не хочу смешить мироздание! А если серьезно... Наверное, просто поняла, что жизнь нельзя подогнать под установленный план. Вот я – много планировала, пахала, как лошадь, а в итоге свой главный жизненный план – стать счастливой – так и не выполнила. В общем, пусть все идет стихийно, как этот снег...

Инна налила им еще по рюмке:

– Ладно, давай за стихийность! Кстати, как поживает Дания?

Маша фыркнула:

– Ну, как Даня?! Вырос здоровенный оболтус, красавец, косая сажень в плечах, но в голове ветер – абсолютно безбашенный парень. Все жду, когда он остепенится.

– Он не женился?

Маша покатила со смеху:

– Кто? Данька? Скорее рак на горе свистнет. Девицы его избаловали, он с юности привык, что барышни вокруг него хороводы водят. Все какие-то романы, увлечения, несерьезный человек!

– Давай будем рассказывать то, что придумаем о себе, а не то, что есть в реальности! – предложила Даниле его странная попутчица.

– А зачем? – уточнил он.

– Так интереснее! – пояснила Алиса и раскрыла свой художественный замысел. – Согласись, что рассказывать о себе скучную правду и подлинные биографические данные «ну где-то там родился, где-то учился» – неинтересно, множество людей знают о нас эти банальные факты! Гораздо интереснее напридумывать про себя всякого, встретившись с кем-то, кого мы не знаем; случайный попутчик в поезде – собеседник на одну ночь, подходит идеально! Все равно утром мы расстанемся и никогда друг о друге не вспомним! (На

этой ее фразе, сказанной с очаровательной, непосредственной улыбкой, Данила споткнулся и подумал: а не обидеться ли ему, на сей раз – окончательно?!) А так мы можем хотя бы на одну ночь «отпустить реальность» и дать поиграть воображению! Ну что, играем?

– Ладно, – усмехнулся Данила, – играем. Тогда мне сто девять лет, и я фрейлина последней императрицы!

Его новая знакомая невозмутимо заметила, что она «почему-то так и думала!», и рассказала, что она, в свою очередь, сочиняет сказки для детей, в свободное время играет в женской хоккейной команде и воспитывает трех французских бульдогов.

– Складно, – хмыкнул Данила, разглядывая сидящую напротив него чудаковатую девушку.

Говорят, что первое впечатление нельзя произвести дважды – и это точно. Первое впечатление, которое на него произвела эта девушка, было ошеломляющим – она нанесла ему джеб (точечный удар кулаком в голову) столь сокрушительной мощи, что вряд ли что-то могло ошеломить Данилу сильнее; но она продолжала его удивлять. Что и говорить – это была неординарная девушка.

– Таких, как ты, нет, не было и не надо! – выдохнул Данила.

Алиса благосклонно кивнула – нормально, принимается.

– Имя-то хоть настоящее? – усмехнулся Данила. – Тебя действительно зовут Алиса? Я уж не знаю, чему верить после

трех бульдогов!

Алиса заверила, что имя настоящее, за все остальное – она не ручается, понимай, как хочешь.

– Я предупреждала, что буду привирать, а это, согласишься, характеризует меня как честного человека.

– Ладно, – согласился он, – тогда твоей биографии мы касаться не будем, поговорим на другие темы.

К тому же тем было, что называется, в избытке.

О чем могут говорить два попутчика в поезде, разменивая стаканы с чаем и дорожные версты? Да обо всем на свете. «Синдром случайного попутчика» – интересное явление в прикладной житейской психологии. Ну в самом деле, разве знакомому человеку можно довериться со всей дури искренности, не боясь быть неправильно понятым? Вряд ли. А незнакомому – запросто. Ты ведь этого человека больше никогда не увидишь. Так что в чем-то Алиса была, безусловно, права.

Итак, они обсудили музыку, любимые фильмы, поговорили про путешествия и, конечно, про Новый год, а как иначе? Сошлись на том, что этот праздник справедливо назначен на роль главного в этой стране; а потому что какой праздник может быть главным в стране, которой управляет рок (Божественное провидение!), где каждый всю жизнь надеется на чудо и пресловутый «авось» и верит в то, что с Нового года (понедельника!) начнется новая жизнь?! Конечно, это может быть только очень иррациональный праздник. Ну, правиль-

но, тридцать первое декабря!

– А правда, что мужчины в этот день любят ходить в баню? – хихикнула Алиса.

– Конечно, – кивнул Данила, – а я вот не дождался и сходил в баню сегодня. Подготовился, так сказать, заранее.

Заметив ее недоуменный взгляд, он пояснил, что отправился на вокзал прямо из бани. Тонкие брови Алисы поползла вверх.

– Да, правда, правда! – подтвердил Данила. – Новый год, баня – самая русская тема! Еще потом всякие приключения начинаются... Я баню под Новый год люблю так же, как в детстве любил ходить на новогодние елки; представляешь, мне мама брала билеты на все елки города!

– Мне тоже! – обрадовалась Алиса.

Данила попытался представить ее маленькой и спросил:

– Слушай, а ты кем была на елках? Небось снежинкой?

– Нет, – лукавая улыбка, – пиратом!

– Врешь?

– Нет! Снежинками были все, а я хотела быть пиратом. И упрямо была пиратом!

Данила покачал головой – как он запомнил?! Попутчица-то ему попалась оригинальная! Эта девушка непростая, как ее пироги – не угадаешь, какая там начинка. Кстати, настроение у нее менялось, как погода в весенний день, – то смеется (смех, приглашающий рассмеяться вместе с ней, разделить ее радость), то становится задумчивой (даже

вот задумчиво-мечтательной!), то говорлива, то молчалива, только глазищами зырк-зырк.

– Занятная ты! – улыбнулся Данила.

Ха! Кажется, его неправильно поняли. Алиса вдруг настояжилась и совершенно серьезно сказала:

– Только давай договоримся сразу – не надо в меня влюбляться!

Теперь он точно решил обидеться. Да что она о себе воображает?! Влюбляться?! Очень надо!

– Можешь не беспокоиться, – проворчал Данила, – не влюблюсь. Я вообще еду в Питер на встречу с девушкой своей мечты!

– Поздравляю! Тогда тем более не будем создавать друг другу лишних сложностей!

Поезд качнулся и остановился. Они выглянули в окно. Поезд стоял на тихой, занесенной сугробами станции. Светила луна. Снег кружил в свете фонарей. Алиса прошептала:

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...

Данила спросил, чьи это стихи, и, услышав ответ, обрадовался:

– Иннокентия Анненского?! Знаю! «Среди миров, в мерцании светил одной Звезды я повторяю имя...» Значит, ты

любишь стихи?! А еще что ты любишь? – он не случайно задал ей этот вопрос, ему всегда казалось, что если узнать, что человек любит, можно понять о нем все.

Подумав, она улыбнулась (когда она улыбалась, черные стрелки на глазах взлетали вверх):

– В детстве на этот вопрос я однажды ответила так: я люблю ослика Масяню из зоопарка, кошек, картофельное пюре и книги.

– А сейчас бы что сказала?

– Люблю стихи. Второй концерт Рахманинова. Гулять в дождь. Смотреть на облака. Приезжать в незнакомый город, в котором я никого не знаю, и вдруг потеряться в нем. Лечь на берегу моря. С книжкой на диване тоже люблю. Шоколад. Фильм «Форрест Гамп», картины импрессионистов, и очень, очень люблю театр! Особенно смотреть спектакль из-за кулис.

– Bravo, вот ты и рассказала о себе почти все!

– Ну а что любишь ты?

– Профессиональные камеры и вообще все, что имеет отношение к фото- и видеосъемке, – старательно начал перечислять Данила, – артхаус. Гонять на мотоцикле. Люблю своих друзей! (Он улыбнулся, добавив про себя: «красивых женщин и состояние влюбленности!»)

– Зачтено. А что не любишь?

Данила задумался: что он не любит? Наверное, связывать себя какими-то обязательствами и...

– Скуку! А ты?

– А я не люблю ложь в любом виде!

– А кто предложил придумывать всякое? – усмехнулся Данила. – Сама же говорила: «Главное, чтобы это не было правдой!»

– Я люблю придумывать, а не врать. Это разные вещи! – отрезала Алиса.

Данила принес еще чая. Так и коротали ночь: за чаем и разговорами. Алиса оказалась интересным собеседником, и в какой-то момент Данила подумал, что, несмотря на множество альтернативных способов коммуникации, предложенных нам двадцать первым веком (все эти гаджеты, социальные сети и прочую суету), вдумчивый, искренний диалог двух интересных, развернутых друг к другу собеседников по-прежнему остается лучшей формой общения. Да?!

– Да, – кивнула Алиса, – я в этом уверена, когда говорю с тобой. Но при этом, согласишься, мы сейчас можем позволить предельную искренность в общении, потому что знаем, что никогда не увидимся.

– Не увидимся? А ежели случится чудо? И когда-нибудь также под Новый год, совершенно случайно, мы встретимся?!

– Человек вообще живет ради чуда! – ее лицо озарила улыбка.

– А если я захочу тебя найти, не полагаясь на чудеса? – спросил Данила нарочито невозмутимо, хотя уже знал, что

он, конечно, захочет ее найти.

– А вот этого не надо, мы же договорились, что не будем все осложнять! – отрезала Алиса. – К тому же мы при всем желании не сможем найти друг друга, потому что не знаем ничего, кроме имен. А на свете так много Данил и Алис...

– Ну хоть что-то о себе расскажи! В каком городе ты живешь, сколько тебе лет?

– Фамилию и паспортные данные?! Ну уж нет! Ладно, скажу только, что у меня птичья фамилия. А какая – секрет!

К утру Данила понял, что его новая знакомая – «девушка-корь», ну, или какая-то другая коварная вирусная инфекция, внезапно разящая человека наповал. Он садился в поезд здоровым (легкий озноб влюбленности в эту, как ее... Вику не считается), а теперь серьезно болен: сердце стучит, температура зашкаливает, и главное – нет никакой надежды на излечение. Вот зараза!

«Ох, плохо!» – опечалился Данила, когда до Петербурга оставалось совсем ничего. От мысли, что через полчаса он потеряет Алису навсегда, ему стало совсем плохо. Но неужели она столь бессердечна?! Пусть проявит хоть каплю гуманизма!

– Пожалуйста, дай мне свой адрес! – взмолился Данила. Холодный взгляд серых глаз вместо ответа. А у нее, оказывается, может быть и такой взгляд Снежной королевы.

– Ну, телефонный номер, – сник Данила, – я не буду часто звонить, разве что иногда...

Снова зыркнула строго. Ясно. Ей не знакомы гуманистические ценности. Неужто так и пропадать парню? Вот странное дело – прежде он никогда не тушевался в присутствии девушек, мог уговорить любую на романтический ужин, а если сильно постараться, то и на его продолжение до утра, но с Алисой он терялся и не знал, как ее убедить. Какая-то она неправильная!

Между тем эта «неправильная» натянула куртку и, глянув в окно, сказала:

– Ну что, идем? Приехали.

«Да уж, приехали!» – вздохнул Данила, выходя следом за девушкой на перрон. Он спросил, куда она теперь. Алиса ответила уклончиво, по сути, отмахнулась.

– Взять тебе такси? – предложил он, хватаясь за этот предлог, как за соломинку.

– Нет. Я сама. Иди, Даня. Спасибо тебе за компанию, ты замечательный попутчик! – Она повернулась и решительно пошла вдоль перрона, катя за собой маленький красный чемодан.

«Но так не должно быть!» – охнул Данила и бросился вслед за ней.

– Эй, так не должно быть! Пожалуйста, давай встретимся еще раз! Сегодня ведь Новый год, мечты должны сбываться!

Она остановилась. Он с отчаянием смотрел ей в глаза.

– Ладно, – вздохнула Алиса, – если мы сегодня ненадолго встретимся, ну, скажем, просто погуляем по городу... Ты

обещаешь, что вечером мы расстанемся и каждый пойдет встречать свой Новый год?

– Да! – заверил Данила.

В конце концов, разве у него был выбор?!

– В четыре часа. На Дворцовой. Под Ангелом! – бросила Алиса на прощание.

Глава 4

– А где Олег? – спросила Инна.

Маша нервно рассмеялась.

– Маруся, – испуганно крикнула Инна, – ты чего?

– Я? Ничего! – успокоилась Маша. – Я – нормально. А Олег – так даже очень хорошо. Мы расстались три часа назад. Он сказал мне, что уходит к другой женщине, выполненной в более изящных параметрах – возраст минус двадцать, вес – минус десять и рост плюс двадцать. Ну а что? Правильно! В Новый год с новым счастьем! Символично!

У Инны округлились глаза:

– Мань, правда, что ли?

Маша пожала плечами:

– Что ты смотришь на меня так, будто я сказала тебе, что неизлечимо больна?! В конце концов, не от меня первой ушел муж. А потом, все к тому и шло. С самого начала. Знаешь, я бы вообще запретила жениться до тридцати лет, ну ладно – до двадцати пяти! А до этого возраста пусть люди погуляют, подумают, окрепнут в решении! Вот что хорошего вышло из того, что я вышла замуж в двадцать?! Я про себя тогда ничего не знала, про Олега тоже ничего не знала, и про жизнь. И что у нас могло получиться? По мере узнавания себя, мужа, жизни расстояние между мной и Олегом разрасталось. Сначала оно было размером с маленькую трещину, по-

том с автобусную остановку, потом с пропасть, вполне способную поглотить наше общее прошлое и все-все планы на совместное будущее. Как я теперь понимаю, в сегодняшнем опереточном финале есть своя внутренняя логика, и он был определен в самом начале нашего супружества.

Инна вздохнула:

– А как красиво все начиналось!

Начиналось действительно красиво. Летний день, Нева, белый кораблик...

Закончив второй курс института, после утомительной сессии Маша поехала на летние каникулы в Петербург.

В тот жаркий июльский день она гуляла по городу, наслаждаясь свободой, а вечером у причала на Мойке села в экскурсионный пароходик. Она примостилась на корме, жмурясь от яркого солнца.

Ее кто-то легонько подтолкнул:

– А где тут крейсер «Аврора»?

Открыв глаза, Маша увидела перед собой улыбающегося парня и махнула рукой на противоположный берег Невы – там; в ту же минуту она поняла, что «Аврора» была лишь предлогом для знакомства.

– Привет! – сказал парень так по-свойски, словно они были знакомы сотню лет. – Я – Олег.

Маша сдержанно кивнула: Олег? Ну и на здоровье.

– Ты из Питера? – поинтересовался неутомленный себе-

седник. – Я сразу догадался.

Маша удивилась – у нее это на лбу написано?

– Да, – подтвердил Олег, словно прочитал ее мысли. – Бледная, мечтательная. Говорят, у вас тут дефицит йода!

Маша взглянула на него внимательнее – рослый, красивый, в облике и манере держаться что-то артистическое, модно одет.

– Ну а ты откуда? – усмехнулась Маша. – Давай отгадаю! – И тут же «отомстила» ему за шутку про дефицит йода. – Уж конечно, из Москвы? Да еще небось ограниченной пределами Бульварного кольца?

– Точно! – покаянно склонил пшеничную голову новый знакомец.

Пароходик причалил. Маша улыбнулась на прощание парню и сошла на причал.

– Так я все-таки не понял, где тут крейсер «Аврора»?! – догнал ее Олег. – Может, покажешь?

Олег был веселым, красивым, ярким, беззаботным, избалованным. В его мальчишеской дурашливости, смешливости, легкости было столько обаяния недюжинной силы, что Маша не устояла и влюбилась. В сентябре Маша вернулась в Москву, и они с Олегом стали встречаться.

Олег учился в известном столичном вузе и намеревался стать международным журналистом. Его родные принадлежали к советской элите – дед Олега был видным советским

деятелем, батюшка Олега также радел о судьбе государства. В глазах Машиных сокурсниц такой жених считался большой удачей: москвич, студент престижного вуза! Инна, когда Маша познакомила ее со своим новым знакомым, всплеснула руками от восторга: «Ну, Маня, свезло – так свезло!» Машу это даже покорило: «Ты о чем?!» «Да как же? Красавец! Москвич! Из такой семьи!» Маша гордо пожала плечами: «Вообще-то он меня тоже не на помойке нашел!»

Роман развивался красиво и бурно. Олег, что называется, умел «пустить пыль в глаза» – цветов, стихов, ресторанов и прочей романтической «пыли» было предостаточно. Кстати, Олег довольно быстро и легко (без всякого нажима с Машинной стороны) решил, что им нужно пожениться, о чем и сообщил Маше через три месяца знакомства. «Зачем медлить? Мы отлично подходим друг другу, старушка, не правда ли?!»

Вскоре Олег привел Машу познакомиться со своими родителями в знаменитую высотку на набережной. Мать Олега, Изольда Александровна – статная блондинка с холодными голубыми глазами, еще не растратившая былой красоты – показалась Маше настоящей снежной королевой.

– Вы откуда, деточка? – высокомерно улыбнулась Изольда Александровна и, услышав, что Маша из Петербурга, поджала губы: – Ясно. Хороший город.

Она разговаривала надменно, словно Маша была ее нерадивой челядью и плохо вычистила фамильное серебро или скверно натерла паркет.

С отцом Олега Маше общаться было куда легче и проще. Иван Семеныч встретил ее приветливо, хотя и не преминул заметить, что Олегу, «бездельнику и раздолбаю», жениться рано. Однако препятствий их браку родители Олега чинить не стали. «Женитесь, плодитесь, размножайтесь!» – изящно напутствовал молодых Иван Семеныч. На свадьбу родители Олега подарили молодоженам двушку у метро «Аэропорт» и фамильный чайный сервиз. В доме на набережной после свадьбы Маша появлялась только по большим праздникам.

Подруга Инна подарила Маше на свадьбу свой любимый казан.

– Ты чего?! – ахнула Маша, догадываясь, что Инка отывает любимую вещь от души.

– Бери! – торжественно изрекла подруга. – Будешь мужу плов готовить. Я научу!

Обойдя квартиру молодоженов, Инна вздохнула: «Счастливая ты, Маня!»

И следующий год Маша прожила в абсолютной, непогрешимой уверенности в том, что она действительно счастливый человек. Но счастье – материя тонкая, и где-то через год семейной жизни эта материя стала рваться в отдельных местах. Дело в том, что Олег оказался мало приспособленным к жизни. Увы, детство и юность, проведенные за каменными номенклатурными стенами, что называется, наложили свой отпечаток на судьбу и характер. Олег был такой Гаутама из сталинской высотки, до поры до времени не предпола-

гавший, что в мире есть бедность, болезни, несчастья – в его реальности всего этого не было. Что было? Рестораны, шумные вечеринки, друзья-приятели... Кроме того, Олег с детства привык быть центром вселенной (мать, бабушка, тетки – все его обожали) и потому ждал от каждого встречного внимания и преклонения.

Олег любил прожигать жизнь, часто повторяя, что жить надо весело. Эта его мировоззренческая установка во многом осложняла их брак. Маша довольно быстро поняла, что, по всей видимости, не является веселым человеком, а посему может принять далеко не все ценности мужа (и особенно его образ жизни). Она даже позволила себе в чем-то с Олегом не согласиться, к примеру, с его ночными загулами, и однажды решительно заявила: «Я прошу тебя ночевать дома!» В ответ Олег наградил ее взглядом, полным жгучей обиды: «Как можно быть такой бесчувственной, Маруся?!» Но Маша стоически выдержала этот тяжелый взгляд. Она и в будущем проявляла поразительную «бесчувственность», пытаясь влиять на Олега, – ругала его за беспечное отношение к учебе, прогулы в институте, пьянки; он обижался на нее, они ссорились.

Вскоре Олега выгнали из института за хроническую неуспеваемость. Муж не спешил взрослеть, благодаря отцовским связям он устраивался на работу, но вскоре увольнялся, нигде не задерживаясь. Он ввязывался в какие-то сомнительные проекты, занимался коммерцией, – ничего

не получалось. Маша тоже искала себя, зарабатывала деньги, оформляла ЧП, билась головой об стену, сталкиваясь с разнообразными сложностями. Тогда ведь и время было... сложное. Все менялось по сто раз на дню. И люди не успевали за временем. Ушедшая под воду империя СССР оставила на поверхности гигантскую воронку, которая затянула многих. Машиного тестя, Ивана Семеныча, отправили в отставку. Выйдя на пенсию, Семеныч переживал, сетовал на то, что чувствует себя ненужным и через полгода умер от инфаркта. Снежная Изольда, оставшись одна, ругала новые времена и привыкала жить без привилегий.

После смерти отца Олег снова поступил в институт (помогли старые отцовские связи). Пока муж учился, Маша работала, чтобы им было на что жить (доходы были – мизер, но на скромную жизнь хватало). Окончив институт, Олег подался в политику, чем изрядно удивил жену, – к этому времени она уже хорошо знала собственного мужа и полагала, что ее Олег свою жизнь не может обустроить, не то что вершить судьбу государства. «Даже странно, зачем Олег подался в политику?! Ему надо было идти в актеры, такое дарование пропадает!» – думала она. Тем не менее политическая карьера Олега складывалась успешно – он умел красиво говорить, убедительно давать обещания, да и его телеобраз, благодаря яркой внешности, получился эффектным – под пресловутое обаяние Олега подпали тысячи избирателей.

Время шло, они с Олегом выросли, менялись, делали ка-

рьеры. Но все это было потом... А началось в летний день – Нева, белый кораблик...

– Инн, ты чего? – испугалась Маша. – Плачешь, что ли?!

Инна с присущей ей широтой души (подруга проявляла эмоции шумно – хохотала так, что стены тряслись, рыдала, так со всей бездной отчаяния) проревела:

– Со-о-рок лет! Со-о-рок!

– И чего? – улыбнулась Маша.

– Жизнь прошла! – всхлипнула Инна.

Маша обняла подругу:

– Да ладно, говорят же, что в сорок она только начинается!

– Кто говорит? – вскинулась Инна. – Враки это все. После сорока для женщины жизни нет. Разве что загробная!

Подруга долго сидели за столом. На город, засыпаемый снегом, опустилась ночь, а они все вспоминали прошлое.

Услышав, что у Инны есть сын, Маша изумилась:

– Да ты что?! Какая же ты молодец, Инка, что родила! Сколько ему?

– Три года! Да, Маруся, это был последний шанс. Я вскочила, можно сказать, в уходящий поезд!

– Как его зовут?

Инна замялась, потом неохотно выдавила:

– Олег.

Вот это да! Маша удивленно взглянула на подругу. И если бы Инна выдержала ее взгляд, Маша бы *ничего такого*

не подумала: в конце концов, имя как имя! Но только Инна отчего-то покраснела, отвела глаза, смутилась, будто сейчас вдруг раскрылся какой-то ее тщательно оберегаемый секрет. Маша не стала задавать лишних вопросов: «Ладно, может, потом расскажет... когда-нибудь...», спросила только про отца мальчика. Инна махнула рукой:

– А! Этот... нечего рассказывать! Мимоходом!

– В смысле? – не поняла Маша.

– Ну, мимоходом. Он прошел по моей жизни словно мимоходом, по краешку. Не задел, понимаешь?! Мань, я хотела попросить тебя стать крестной моему Олежке... Ты так и осталась моей самой близкой подругой...

– Спасибо. Сочту за честь.

Инна просияла:

– Тогда я заберу его после праздников из Омска (он у моей матери), и устроим крестины, да?

Инна просидела у Маши полночи (как в старые добрые времена). На прощание она пригласила подругу встретить Новый год вместе с ней в ее ресторане.

– У меня там грандиозный банкет намечается, роскошная программа, артисты! Приходи, посажу тебя за лучший столик?!

– Спасибо, Инн, но я лучше дома! – улыбнулась Маша.

Они договорились, что Маша приедет в ресторан подруги первого января.

Уже в прихожей Инна сказала:

– Мань, ты прости меня за ту историю... Но я ведь тогда думала, что так будет лучше для тебя! Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Маша. – Проблема в том, что мы никогда не знаем, как лучше. Ладно, я сама во всем виновата, что уж там... Редкая удача – я даже вижу тот житейский перекресток, на котором повернула в неправильном направлении. А в итоге вроде все сбылось, вышла красивая картинка для глянцевого журнала, но это неправда. Тут, внутри, болит. И дело не в том, что наш с Олегом брак распался, совсем не в этом...

– Как твой Андрей? – тихо спросила Инна.

Маша отвернулась, пытаясь справиться с подступившей болью, и выдохнула:

– Я ничего о нем не знаю.

Сразу с вокзала Данила отправился к родителям на Фонтанку. Он пробежал по шумному Невскому, пересек Аничков мост, прошел знакомым с детства путем через третьи дворы (о, эти питерские лабиринты третьих – пятых – десятых дворов, Минотавр бы заблудился!) и наконец оказался дома.

А здесь все так же, как было во времена их с Машей детства. В его комнате на стене – плакат «Битлз», в углу электрогитара (на которой он, было время, поигрывал), и даже стоит тот же ученический стол, за которым Данила сейчас, конечно, не поместится.

На кухне пахло праздником, вернее, приготовлениями к нему. На столе мандарины в вазе, бутылка шампанского; постоянно звонил телефон – отцу, известному в городе профессору филологии, звонили его ученики с поздравлениями.

Мать хлопотала у плиты, как многорукое божество домашнего очага: одновременно что-то взбивала, запекала, нарезала, перемешивала.

В углу мерцал экран телевизора, и Женя Лукашин, давно ставший близким родственником миллионам россиян, уже летел в Ленинград навстречу своему счастью.

...Мама угощала чем-то домашним, вкусным, отец увлеченно рассказывал об университетских делах, Данила вежливо слушал, но вскоре начал клевать носом и проваливаться в сон (бессонная ночь в поезде давала о себе знать звенящей усталостью).

– Даня, ты не приболел часом? – встревожилась Ольга Александровна. – Ступай, отдохни, а то, того и гляди, заснешь за столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.